

МАРЬЯНА
СУРИКОВА

ЗОВ ЧУЖОГО
прошлого

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С90

Иллюстрация на переплете *И. Косулиной*

Сурикова, Марьяна.

С90   Зов чужого прошлого / Марьяна Сурикова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 512 с.

ISBN 978-5-04-206063-2

Есть старая легенда о древнем зле, что заперто в самой середине непролазной чащи. Говорят, наступит время, и оно проснется. Тогда рухнет мир, и тьма придет к власти. Глупые рассказы и бабушкины сказки! Повезло же с будущей родней: едва познакомились, как сразу просветили, еще и саму в ведьмовстве обвинили. На ту оказалась похожа, кто зло помогал заточить. А я в лес и не собиралась совсем, пока жених вдруг в чаще не пропал...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сурикова М., текст, 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2024

ISBN 978-5-04-206063-2

*Влюбиться по-настоящему — непросто,
а порой бывает страшно любить.*

Глава 1

— Нет в лес хода, — вещала старуха, выставляя на стол котелок с кашей и тарелку с хлебом. А чтобы придать большего веса словам, она несколько раз качнула седой головой. — Запомни, что говорю, и носа туда не кажи.

Печаль какая. А меня ведь кашей не корми, дай по лесу погулять.

— Охотники ходят? — решила уточнить.

— А чего им не ходить? Испроси на окраине разрешения да отправляйся на промысел.

— И за ягодой местные ходят? — скосила глаза на корзину, поставленную на подоконник.

— За ягодой-то чего не наведаться? Опушечку поближе выбирай и собирай.

— А грибы у вас, — кивнула на висящие под потолком сушеные связки, — не из леса?

— Откуда еще грибам взяться? — хмыкнула старуха.

— Выходит, что тропинка проторена?

Она глянула на меня и снова качнула головой, нахлившись, точно седая ворона.

— Послушай, девка, дело говорю! А больше никто толкового не скажет. Вот какие вы нынче пошли: ста-

рость не уважаете, опыта не перенимаете. Но только в лесу зло живет. Давненько. В самой темной чаше.

— А облик у него есть? Или это просто злая темная чаша?

Старуха погрозила скрюченным пальцем.

— Ишь языкатая! Чего Вашек в тебе нашел? Соблазнила небось?

Я вздернула подбородок и промолчала. Уж кто кого соблазнил? Сам Вашек полгода мне прохода не давал, с того раза, как наведался в наш салон с собачкой очередной однодневной подружки. Теперь вот в деревню затащил, а сам на встречу с друзьями помчался и мне отличную компанию подобрал.

— Жил прежде человек один, рассказывают, — продолжила старуха, явно не в первый раз повествуя эту историю, — непростой он был, того умел, чего остальные не могли. Только не ради добра. Вот и сослали его подальше от жилья людского в лесную чашу. Там, говорят, и заперли, а затем домик из бревен возвели. На двери замки повесили, на окнах ставни заколотили. Запекли круг, стену из кольев ощерили, а кругом ограду железную с шипами поставили.

— А шипы ядом смазали?

Старуха фыркнула. Я же решила уточнить более неприглядный момент касательно расплывчатого «заперли».

— Вокруг чего домик-то возвели? Не над гробом хрустальным?

— Это только в сказках ваших хрустальные, а на поверку гранит лучше. Да и на что гроб? В них умерших кладут.

— А его живьем хоронили?

— Живьем не живьем, только тем ведомо, кто в ту пору жил. А нам лишь предупреждение осталось, поскольку одни его замкнули в лесу, а расплачиваться другим пришлось. Девки пропадать стали. Одна за другой. Кто подалее в лес забредет, та назад не вернется. Еще, говорят, зверья меньше в чаще стало, а птицы и вовсе перевелись.

— Не нашли девок?

— Некоторые возвращались, но не в себе. И слова сказать не могли, где были, что делали.

— Родители их не пошли в чащу со злом разобраться?

— Девки не местные-то. Все больше пришлые, как ты. Кто без отца и без матери. Из приюта, что между городом и деревней построили.

— Хорошее у вас зло, правильное. Своих не трогает.

Старуха прищурилась.

— Ты, Вашек говорил, совсем без семьи.

— У меня родные есть, и я не росла в приюте.

Как обычно в похожих ситуациях, рука потянулась к кулону с прозрачным янтарным камнем, оgranенным витой серебряной косичкой. Его оставила на память родная мать, прежде чем бросила, но я верила, будто кулон приносил удачу. По крайней мере, вот так схватиться за него при случае отчего-то помогало ощутить уверенность в себе. Не одна я была. А уверенность, как известно, где надо горы свернет, а где не надо рвы прокопает. И уж точно невзначай — хотя в данном случае нарочно — брошенные слова не обидят и боли не причинят.

— По родственникам скиталась? Наслышана я.

Вашек — зараза! Зачем рассказал?

— Всю жизнь не знали, куда приткнуть сиротинушку. Небось перевели дух, когда выросла. И на что вы такие парней пригожих ловите?

Ага. Плохая девка, очень плохая. Кровинушку из семьи уводит, беспризорница. Правильного и хорошего кровинушку, который до встречи со мной в студенческих угарах о семье только тогда вспоминал, когда на очередную пирушку не хватало.

— А мы любим их заманивать. Вот как ваше зло из чащи.

— Он тебе подобных особливо и любит.

— Вашек?

— Тот самый, из леса.

— Пф! — я не удержалась. Ну уж очень похоже прозвучало на детскую страшилку. Тот самый из леса, который живет в темной чаще. Любят же старые люди небылицы собирать на пустом месте, а после каждому встречному рассказывать. Я какой-то период жизни провела у пожилой родственницы, тоже наслушалась.

— А на что ему девушки? — решила подзадорить старуху, а та в ответ зашлась хриплым каркающим хохотом.

— А Вашек не объяснял, зачем мужику девка?

— Так зло не просто человек? Он еще и мужчина? Эх, все несчастья у девок из-за мужиков.

Глаза старухи недобро сверкнули. Она погрозила мне ложкой, а после воткнула ее в кашу и резко придвинула почерневший котелок ко мне.

— Ешь вот.

Я с трудом удержала тоскливый вздох и посмотрела в окно, за которым темнело.

— И когда Вашек вернется? — пробубнила под нос, но старуха умудрилась расслышать.

— А ты не к юбке ли собралась парня привязать? Наведался он в кои-то веки в родную деревню, праздник

у мальчика. Гронду¹ окончил, с друзьями отпраздновать приехал.

Именно. Еще и меня притащил с бабушкой познакомиться. Чтоб икалось ему! И ведь не в старом родительском доме оставил. Наверняка с друзьями свой выпуск там отмечал, неспроста уговаривал у бабушки переночевать. «Она милейшая старушка, присмотрит за тобой. Просто мужская компания подобралась, тебе скучно будет». Теперь понятно, отчего его родители дом оставили и в город перебрались, с таким-то милым одувачиком под боком всласть не наживешься. В последний раз я поддалась на подобные уговоры.

— Сама небось ничего не оканчивала!

Я уже заметила, что «милейшая старушка» не особо нуждалась в моих ответах, она вполне обходилась собственной болтовней. Но удержаться не смогла.

— Я окончила кастелану².

— Пф! — выдала старуха.

Такую же снисходительную реакцию я встречала у ее внука, который с гордостью вертел вчера перед моим носом именным медальоном с золотыми вензелями.

Да бездна огня с ними! Зато я сама деньги на обучение заработала и честным трудом, а не как некоторые намекали. В престижный салон тоже сама устроилась на работу. И у меня даже наследство имелось в городе.

---

¹ Гронда — общепрофессиональное высшее учебное заведение, после окончания которого специалисты получают распределения на места работы.

² Кастелана — узкоспециализированное учебное заведение, где обучают определенной профессии без широкого охвата разнообразных наук, как это происходит в гронде.

И хотя Вашек заявлял, будто дом годится только под снос, я планировала потихоньку привести его в порядок. Когда-нибудь. Когда средства появятся.

В животе заурчало, и я слизнула с кончика ложки кашу. Она оказалась неплоха. Особенно на мой неприязнительный вкус, и я принялась угощаться.

— А огонь-то на косах так и пляшет. Точь-в-точь ведьма. Уж не приворожила ли Вашека? Вот карты раскину.

Я чуть не подавилась. Ведьма?! А они здесь на каком моменте развития застопорились? Может, до появления стихийной теории? Еще окажется, будто в основе мироздания вовсе не четыре стихии лежат, но высшие существа, одарившие людей разумом. А еще современные технологии медленно разрушают основы вселенной. Потому и печь на дровах, а вместо электричества свечка посреди стола, чей отсвет и заставлял мою косу отливать вишней.

Все, провела деревеньку, пора и честь знать. А то же не к ведьме, так к русалке припишут. Окажись я мужчиной, могли бы и к чернокнижникам отнести или к алхимикам. Таких в Средние века было пруд пруди. На каждом шагу встречались.

— Ты не хмыкай, — пробубнила старуха, раскладывая на столе карты. Опять же, гадала она, а ведьмой называла меня. За цвет волос! Да-а. А не пойти ли спать? Что бы ей карты ни сказали, а костра очищающего можно не опасаться. Минули те времена, да и кровинушка ее, когда предложение делал, не зря мне в вечной любви клялся. Бабкиных членовредительных потуг не одобрит.

Я зевнула и, буркнув: «Спасибо за ужин», — подхватила тарелку, ополоснула в деревенском умывальнике

и отправилась в постель. Удобств здесь, конечно, не водилось, но кувшин с тазом у кровати имелся, а под кроватью — ведро. Я постояла некоторое время, таращась на это раритетное богатство, после чего принялась расплетать волосы. В отличие от того же Вашека, который мог после очередной пирушки с друзьями завалиться где попало и в чем попало, я предпочитала спать умытой и в ночной рубашке.

Волосы опустились ниже талии, щетка тихо шуршала в полумраке, рассыпая по длинным прядям красные искры, которые вспыхивали так ярко из-за огня свечи. Даже на свету мои волосы отливали бургунди, только если по ним скользили солнечные лучи, в остальное время это был обычный темно-каштановый оттенок, который я никогда в жизни не пыталась разбавить современными красителями.

Задумчиво поглядев в окно, верхняя половина которого оставалась не прикрыта занавесками, полюбовалась на полукруглый бок наливающейся луны. Вдалеке шумел темными кронами тот самый лес, а в форточку долетал стрекот кузнечиков.

Что всегда нравилось мне в деревне: сельская тишина и живительный воздух, который можно было пить, точно родниковую воду. Однако отсутствие благ цивилизации шло в явный минус.

Положив щетку, поворочалась немного, подоткнула под бок одеяло, и сама не заметила, как провалилась в сон.

— Вашек пропал!

— Как пропал? — я в шоке уставилась на одного из друзей, явно мало пьющего или быстро трезвеющего,

который единственным добрался до старушечьего домика этим ранним утром и поднял нас обеих с постели.

— Так пропал. Все парни на месте, а его нет.

— Где его нет, ирод ты этакий?! — кутаясь в шаль, крикнула старуха и схватилась за изогнутую клюку, прислоненную к печке.

— В избушке. Мы, матушка Эга, на спор решили к старому дому наведаться. На смелость друг друга испытать.

— Каким образом испытать? — подбоченилась я, оглядываясь в поисках такого же подходящего орудия, как у старухи.

— Кто не побоится там заночевать.

— И что, Вашек не побоялся?

— Мы вместе заночевали, — переступил с ноги на ногу парень.

Пьяные, разудалые, а поодиночке не отважились. Вот что старухины сказки с людьми делают.

— Ночью, мне слышалось, волки в лесу выли.

— Отродясь в нашем лесу волков не водилось! — вскинулась старуха.

Хм, а мне говорила, будто перевелись звери после заселения в чашу зла.

— В доме каком ночевали? Старом-престаром, с заколоченными ставнями, окруженном частоколом и железным забором?

— Э-э, — парень почесал макушку, — нет там железного забора. Кабы был, что нам те волки? Зато хибарка хлипкая, дверь еле держится, а в комнатухе мы вшестером едва уместились.

— А вой не спяну примерещился? Может, Вашек с вами и не ходил никуда? Спит себе в родительском доме.

— Вместе в хибаре той пили, я помню, а утром его хватились.

Задумалась, пока парень, обернувшись к старухе, размахивал руками и убеждал прошерстить лес. Что мы в итоге имеем? На спор вся орава горе-друзей в пьяном угаре отправилась в чащу. В избушке довели себя до полной кондиции, затем ночью услышали волков и перепугались так, что, едва рассвело, ринулись обратно в деревню, а Вашека где-то потеряли. Немудрено, если в доме и позабыли. Я-то знаю, как беспробудно женишок спит, когда в опьянении. Он мог волков и не слышать вовсе.

— В избушке все обыскали? — попыталась упростить поисково-спасательную операцию.

— Чего там обыскивать в одной комнате? — удивился парень.

Я вздохнула и отправилась натягивать более удобную для лазания по лесу одежду.

Пара мужиков — надо отдать должное: матерых и при ружьях, — одна невеста, трое стойких дружков, кого смогли растолкать после беспробудно-бессонной ночи, — двое почили в глубоком сне, не поднявшись на поиски, — и старушка с пучком тлеющих и жутко смердящих трав, беспокойно то ли бормочущая под нос заклинания, то ли испрашивающая разрешения, но в целом очень гармонично завершающая общую картину мощного поискового отряда.

В лес углублялись со знанием дела. Впереди шагал один из мужчин покрупнее, позади тот, что помельче, а в центре все мы, по сути, совершенно бесполезные в случае выхода из кустов давешних волков, медведя

или на худой конец несчастного заживо замурованного в избушке злейшего зла.

Сам домик возник перед глазами довольно быстро, я предполагала, что он очутится где-то в уж совсем непролазной чаще и выглядеть будет не как заброшенная избушка с картины в стиле сельская пастораль. Розовые кусты, пусть и колючие, но упоительно благоухающие распустившимися бутонами, довершали столь чудный пейзаж, что я даже не удивилась тому, как частокол вдруг оказался аккуратно покосившимся заборчиком. Единственным штрихом, хорошо вписавшимся во вчерашнюю страшную сказку о злобном зле, явилась сама старушенция, которая окурила сперва калитку, а после и входную дверь своим веничком. В единственную комнату избушки зайти оказалось непросто. Из-за дыма. У меня глаза заслезились, а голова загудела не только от бормотаний, но и благодаря ядреному запаху.

По-быстрому распахнув жалобно заскрипевшее окошко и прижав к лицу платок, я принялась оглядываться. Старушка уже выскользнула из дома и начала наматывать вокруг него круги. Внутри было пусто. Старая деревянная лавка и стол. Ни покрытых копотью котлов, ни развешанных под потолком сушеных жаб и ящериц, ни алхимических пробирок, ни на худой конец тощего кота, злобно сверкающего глазами из темного угла. Даже чернокнижного жертвенного алтаря в центре комнаты не оказалось и пюпитра под черную-пречерную книгу. Вот совсем. Как неинтересно-о-о!

— Я говорил, нет его! Надо кругом дома следы искать! — заглянул в избушку друг Вашека и мгновенно исчез за дверью, не выдержав аромата курений. Ста-

рушка ему в ответ издала нечленораздельный звук по ту сторону из-за угла, однако я осталась внутри, раздумывая, что в любой уважающей себя избе должен быть подпол или, как там раньше говорили, погреб.

Глаза слезились, в голову набили ваты. Уж не знаю, что за курения использовала славная матушка Эга, принявшая меня за ведьму, но было дело, когда мы с ее внуком заглянули на одну вечеринку, с которой я сбежала сразу, а Вашек чуть погодя. После он полночи вещал мне о летающих розовых пони. Если и этот дым обладал галлюциногенными свойствами, то мой без пяти минут бывший жених пойдет работать по распределению сразу, как срастит себе перелом.

— Отлично! — я наконец-то узрела кольцо в полу. Обычное такое, железное и ржавое. — Кх, кх, кх! Да чем она тут обкурила?

Даже не являясь поклонницей трав непонятного происхождения, влияющих на психику самым неадекватным образом, я знала о последствиях возможного воздействия. Но и в этом случае не ожидала подобной подлости от старушки. Уже почти дотянулась до кольца, когда по моей шее провели... как будто рукой. Настолько нежно и ласково, что мурашки, побежавшие по телу, оказались размером со слона. Сердце, определенно решившее выполнить функцию слезящихся глаз, собралось выскочить из груди и воочию наблюдать, что в пустой избушке точно никого нет. Никогошеньки!

Я плюхнулась на заднюю точку, попыталась успокоить колотящееся сердце и огляделась. Избушка была пуста. Дверь распахнута. Снаружи доносились голоса переговаривающихся между собой людей. Солнечные лучи пронзали задымленное пространство.